

В.М.Белокурский

**Народная мудрость
как один из императивов духовного единения народов
Беларуси и Казахстана**

*В.М.Белокурский, кандидат философских наук,
доцент Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

“Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им никогда” [2, с. 175], писал Р.Киплинг, имея в виду не только различие, но и противоположность двух культурных универсумов человечества. То обстоятельство, что содержание каждой культуры разнообразно и противоречиво, как и существование множества культур, в том числе и несовместимых, в целом закономерно. Эта противоречивость и разнообразие являются исторически неизбежными, поскольку культура есть само человечество, со всем альтернативным разнообразием его исторических характеристик.

Обретающие подлинную динамику интеграционные процессы на пространстве СНГ сегодня делают предельно актуальным вопрос гуманитарного взаимодействия между государствами и народами. В данной связи определение стратегий и приоритетов взаимодействия культур Беларуси и Казахстана предполагает выявление императивов духовного единения двух братских народов. К числу таких императивов принадлежит народная мудрость, содержащая могучий потенциал как национального, так и общечеловеческого.

Словосочетание “народная мудрость” получило в наше время достаточно широкое распространение. Его можно встретить в различных печатных изданиях, услышать на политических форумах, научных конференциях, а также в

бытовом общении. Чаще всего оно заявляет о себе как некий фразеологический оборот, который не требует строгого научного определения. Параллельно с ним существует целый ряд схожих словосочетаний, таких, например, как “древняя мудрость”, “библейская мудрость”, “восточная мудрость” и т.п., в которых слово “мудрость” выступает родовым понятием. Однако для выявления всей глубины понятия “народная мудрость” недостаточно простого его сопоставления, с другими словосочетаниями. Необходимо учитывать, что и термин “народ”, входящий в данное понятие, требует тщательного философского анализа. О народе можно вести речь в историческом, социокультурном, государственно-правовом, нравственно-этическом и других значениях. Например, в выражении “белорусский народ” мы охватываем всех людей одной этнической принадлежности; выражение “героический белорусский народ” уже означает его славные боевые дела и трудовые свершения; в словосочетании “много народа” – подразумеваем лишь значительное количество людей без каких-либо качественных характеристик. Философский энциклопедический словарь советского периода понятие “народ” определял следующим образом: “социальная общность, включающая на различных этапах истории те слои и классы, которые по своему объективному положению способны участвовать в решении задач прогрессивного развития общества; творец истории, ведущая сила коренных общественных преобразований” [4, с. 395]. Классовый “крен” данного определения, игнорировавшего национально-этническую составляющую, способствовал тому, что значительная часть советских исследователей понятие “народ” зачастую ассоциировала с понятием “народные массы” без должного их разграничения. Это влекло смешение “народной” и “массовой” культур. Безусловно, народная культура предстает перед исследователем как культура огромных масс людей. Вместе

с тем между ней и массовой культурой существуют весьма серьезные различия. Главное из них состоит в том, что массовая культура зачастую не является вполне естественным и зрелым плодом народной жизни. Как свидетельствуют многочисленные современные примеры, она ориентирована преимущественно на потребительский тип индивида, так называемого *homo consumens*. Именно поэтому она, как правило, не может подняться до высот народной мудрости. Такое фундаментальное издание, как “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” определяет понятие “народ” следующим образом:

“1. Насельніцтва якой-небудзь краіны, дзяржавы. 2. Нацыя, нацыянальнасць, народнасць. 3. Асноўная працоўная маса насельніцтва. 4. Людзі” [3, с. 300–301]. Особого внимания здесь, на наш взгляд, заслуживают второе и третье значения, поскольку именно они выступают главными в формировании логической и смысловой основы термина “народная мудрость”. Это обуславливает необходимость анализировать народную мудрость в тесной связи с национальными особенностями и культурой трудовых масс населения конкретного социума. Ее следует рассматривать как форму рефлексии, имеющую ценностное содержание, которое соответствует духу народа, его национальным особенностям, культуре, своеобразно и зачастую парадоксально выраженное в родном языке.

Убеждение, что одна только философия ведет к мудрости, достаточно долгое время было главной иллюзией метафизического мышления. Обретение мудрости социумом шло многими путями, проявляясь в различных сферах знания и деятельности. Во все периоды исторического развития общества народ синтезировал крупинки своего практического опыта и добытых знаний, облакая их в яркую, афористическую форму, удобную для хранения в “памяти народной культуры” и трансляции в будущее последующим поколениям. Примечательно в данной связи и то, что представители первых философских

школ на Востоке (Древняя Индия, Древний Китай) и Западе (Древняя Греция) склонны были толковать мудрость как своего рода “искусство жизненной правды”, которое обычно выражалось ими в афористически сжатых высказываниях, близких по своему содержанию к народным пословицам и поговоркам. Это подтверждает нашу мысль о предфилософском характере народной мудрости как особой формы рефлексии.

Рассматривая народ как субъект традиционной культуры, следует подчеркнуть, что на белорусской земле этим субъектом в исторической ретроспекции выступали трудящиеся массы, преимущественно крестьянство. Крестьянство создало огромные пласты различных жанров устного творчества, в которых не только отражалась утилитарно-практическая сторона деятельности сельского труженика, но также отчетливо заявляла о себе народная мудрость. В первую очередь это касалось нравственной сферы, где народная мудрость поднималась до высот общечеловеческих императивов. Так, у белорусского народа с древнейших времен подвергались осуждению жестокость, вероломство, зависть, трусость и другие нравственные пороки: “Не так бойся чорта, як ліхога чалавека”, “У сквапнага горла вяліка”, “Завісць не пойдзе ў карысць” [1, с. 261, 264, 330]. Народная мудрость всему этому противопоставляла требования сострадания, отзывчивости, доброжелательности и др.: “Шчыраму сэрцу і чужая боль колка”, “Літасць да неба даводзіць”, “Добрыя вочы дыму баяцца”, “Што сказаў, то й святое” [1, с. 254, 256, 312].

Современные исследователи отличают сходство пословиц и поговорок многих народов мира по так называемому смысловому стержню, который представляет каждое из перечисленных выше понятий. Возникнув в различных регионах, в различной этнической среде, эти понятия отразили общие нравственные идеалы широких народных масс.

Народная мудрость выступала как хранительница жизненного опыта, основа его вариативного истолкования. Она определяла длящийся континуум человеческой деятельности через восхождение от единичных эмпирических актов к рационализованному всеобщему. Все это говорит о народной мудрости как о весьма сложном духовном образовании. Возникнув и развиваясь в русле общих закономерностей обыденного сознания, в том его слое, где заявляла о себе устойчивая тенденция к преодолению эмпирии, народная мудрость не столько заявляла о своих гносеологических возможностях, сколько тяготела к практическому формированию нравственных, мировоззренческих, ценностных и других ориентиров в многогранной человеческой жизнедеятельности. Не совпадая в силу своей специфики с конкретными формами общественного сознания, такими, например, как нравственность, философия, право, народная мудрость вместе с тем включала нравственные философские, правовые, эстетические и другие элементы общественного сознания в свое синкретическое содержание, преломляя их сквозь призму здравого смысла. Синкретизм выступал наиболее характерной особенностью народной мудрости, поскольку, функционируя в сфере обыденного сознания, она включала как неспециализированные формы духовного производства (фольклор), так и разнообразные виды обыденного знания (народная медицина, народная педагогика, народная кухня, народные приметы и прогнозы, народный календарь и др.).

В настоящее время перед обществом остро встала задача восстановления утрачиваемой “связи времен”. Это требует более отчетливого осознания того, что с народной мудростью тесно связан мощный пласт глубинной народной культуры, он хранит обычаи, традиции, а также многие важные элементы народного быта. Однако народная мудрость не ограничивается наличием отмеченных выше элементов. Как социокультурный феномен она выражает, по

существованию, все важнейшие процессы общественного бытия. К ним следует также отнести общественно-политическую и экономическую жизнь социума.

Сегодня все еще нет должных условий для более полной реализации обществом тех социокультурных потенциалов, которые содержатся в многовековой мудрости народа. В результате этого поле ее воздействия локализовано главным образом утилитарно-бытовой сферой. В силу отмеченного не представляется возможным ждать от нее сиюминутной помощи в решении таких задач, как, например, задачи экономического характера. Тем не менее неоспоримым является тот факт, что национальные экономики Беларуси и Казахстана в условиях современного кризиса испытывают острую потребность не только в выверенных научных методах, но и в подлинно мудром решении вставших перед ними проблем.

1. *Беларуская народная творчасць. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн.* – Мінск, 1976. – Кн. 2.

2. *Киплинг, Р. Стихотворения / Р.Киплинг.* – М., 1992.

3. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т.* – Мінск, 1976. – Т. 3.

4. *Философский энциклопедический словарь.* – М., 1983.